

На северном фронте *

Тру по нейтральной черте разделили, чьим т.к. какия получались, по-смыслу для отдаленных фронтов наших военачальников: северный — на границе с Пруссией и южный — на границе с Австро-Венгрией. Можно даже сказать, что эти впечатления во многом одни другими противоположны. Что обычно, естественно на одном фронте, составляется исключение на другом; к чему привыкаешь на юге, представляется отчаянием на севере. Приближаясь к прудам Пруссии, начинаешь дышать как бы иной атмосферой, чьим в Люблинской губернии и в Галиции.

На юге войск окрывают победа. Она дает спокойствие духа и уверенность в себе. Участники подвига, уже свершившего, — разгром австрийской армии, — исполнены, быть-может, не отчаяния себя в том отчета, гордыми сознаниями своей силы. Все в нашей южной армии, как в солдатской, так и офицеры, чувствуют себя сильными среди слабых. Ожюда в них отходило к другим скланывается какое-то снисходительное благодушие. Офицеры и солдаты к

* Статья написана на основании личных впечатлений. В направлении к югу на нашем театре военных действий южный случай посетить пограничные впадины Люблинской губернии и часть Галиции до Ярославля; в противоположном направлении — северные уезды губерний Псковской и Ломжинской, районы Мааны, Коржеле, Островки, Оссова и порубежные местности Восточной Пруссии. Позже эти были мною совершенно в разное время, на протяжении почти всего августа и сентября во ны.

каждому подходить с открытой душой, сердце готово выдать во встречном человеке друга, готово помочь, оказать тьм отношении, какое наши войска встречают в м'юльном населении Галиции. Все то темное, грозное, что воплывает в душах в дни беспощадной, кровавой борьбы, разбивается и тает, отталкиваясь с тихой покорностью, а иногда и с дружелюбным радушием галичан.

Совершенно иная психология нашей армии на севере, где приходится вести борьбу упорную и жестокую. Побьды здесь сменяются временными неудачами; н'мцы прямо отстаивают каждую пядь земли, воюют просто и озлобленно, не брезгая никакими средствами, чтобы нанести ущерб врагу. Это вымывается в отрыв изысканную суровость и даже некоторое ожесточение. Недостойные приемы, к которым нередко прибегают пруссаки (обстрел Брадого Креста, предательское пользование б'льмьм флагом, измешение шпикетов, и т. п.), раздражают, возбуждают негодование. К этому присоединяется коварное поведение м'юстных жителей, которые почти всегда ведут партизанскую войну, подают своим войскам тайные сигналы, сообщаются с армией по телефону, скрывают в погребках; ступают из-за угла и из-за оков. Естественно, что в среде нашей северной армии развивается крайняя осторожность, переходящая временами в подозрительность. Офицеры и солдаты чувствуют себя окруженными врагами со всех сторон и в каждом сложном случае предполагать врага, чьим друга.

Уже вышедши картины, окружающие наблюдателя на юге и на севере, говорят, насколько различен характер войны на двух разных фронтах, — впадем и северном.

Нить сомнений, что и там, и здесь война отразилась на страд' страданиях и лишениях, от которых Лодзь придется оправляться долго и с трудом. Но опустошения австрийцев, это — посавствие или сражений, или буйства безмашных солдат, которые командиры не хот'ли и не ум'ли удерживать. Опустошения пруссаков, напротив, — результат систематического уничтожения, произведенного под руководством старших офицеров. Австрийцы разрушали дома артиллерийским огнем во время боя, оюдами перерывали нивы, топтали колчосы поля кукурузы. Пруссаки сознательно сравнивали с землей населенные м'бта, машины собирали в полях картофеля, уносили и уносили из городов все, что только можно было вывезти. На юге Люблинской губернии видны города, поврежденные бомб, но быстро оживающие, возвращающиеся к обычной жизни. На севере Псковской и Ломжинской губерний есть города, сожженные до-таа; населенные пункты ограблены до нитки; крестьяне разбьжались из деревень и перитались в лесах, как дикие звери. Пруссаки в опустошение занятым ими местностям внесли строгую методичность и довели начатое д'же до последнего конца.

Так была разрушена пруссаками Маана, — м'бто, ставшее историческим, потому что около него впервые начались военные д'бствия. То были довольно значительный городок, в котором насчитывался чьим рыт учебных заведений, — оживляемый, обстроенный по европейскому образцу. В настоящее время Маана еще занята н'мцами, так-что видеть ее лично м'б не пришлось. Но, про'бжая близко, я слышал рассказы м'юстных обывателей, которым удалось тайно пробраться в свои бывшие дома и видеть, что

осталось от города. Кроме новых убр'блений, возмещавших н'бщам, все остальное кажется сплошным обширным пожарищем. Среди гигантского частозола из обгорелых труб одиноко высится случайно сохранившаяся здания. Многие дома разрушены не во время боя, но разстр'блены пушками с близкого расстояния под предлогом репрессии. Такие строения превращены в высокой холм кирпича и мусора; свалена спартами даже печная труба, — последнее, что остается после пылой пуготы, но методически, и в короткие время город был разграблен до чиста.

Так поступали н'мцы в Сувалях, главном городе области, которую они уже считали своей, дав ей даже новое название: Neu Deutsch-land. Понятно, что они еще меньше ст'блялись в городах, которые не считали своей добычей, пережившим в жителей Суваляк, пережившим в городах дни владычества н'мцев. Если десятая доля того, что м'б разсказывал мой собеседник, правда (я допускаю, что подь вышшею волнею и негодования д'т могь иное преувеличить), этого достаточно, чтобы навсегда запечатлеть в памяти каждого лица из Трава, возвращавшихся в свой город, тогда только-что освобожденный от н'мцев. Бругом м'б все же мучило одно и то же беспокойство: найдут ли они у себя дома хоть что-нибудь. Я попытался их успокоить, указав, что нельзя же опустошить чьим город, так-что призраки отобранных запасов в общественных складах и т. п. Н'мцы придумали кроме того еще особую форму грабежа с изыскательством. Офицеры группами входили в магазины, которые все под угрозой крупного штрафа были открыты, и начинали выбирать подходящие им вещи. Одну мебель, предлагая за вещь, отбьшную в 10 марок, 1¹/₂ марта и т. п. (смет было приказано вести на марк). Когда же торговец, не см'я спорить с покупателями — предельным,

соглашаясь на все предложенные ему н'мцы, офицеры с хохотом забрала поворачивалась вещи и уносили их, не оставляя в уплату даже пресловутых «квартир» с расчетом в Варшаву или Петроград... Продолжая забавляться таким образом, офицеры ходили из магазина в магазин, везде выбирая все, что им нужно. Одна группа собирала теплые вещи, другая — б'ль, третья — бижутерию, четвертая опустошала аптеки и т. д. Все совершалось хотя и с милой пуготой, но методически, и в короткое время город был разграблен до чиста.

Так поступали н'мцы в Сувалях, главном городе области, которую они уже считали своей, дав ей даже новое название: Neu Deutsch-land. Понятно, что они еще меньше ст'блялись в городах, которые не считали своей добычей, пережившим в жителей Суваляк, пережившим в городах дни владычества н'мцев. Если десятая доля того, что м'б разсказывал мой собеседник, правда (я допускаю, что подь вышшею волнею и негодования д'т могь иное преувеличить), этого достаточно, чтобы навсегда запечатлеть в памяти каждого лица из Трава, возвращавшихся в свой город, тогда только-что освобожденный от н'мцев. Бругом м'б все же мучило одно и то же беспокойство: найдут ли они у себя дома хоть что-нибудь. Я попытался их успокоить, указав, что нельзя же опустошить чьим город, так-что призраки отобранных запасов в общественных складах и т. п. Н'мцы придумали кроме того еще особую форму грабежа с изыскательством. Офицеры группами входили в магазины, которые все под угрозой крупного штрафа были открыты, и начинали выбирать подходящие им вещи. Одну мебель, предлагая за вещь, отбьшную в 10 марок, 1¹/₂ марта и т. п. (смет было приказано вести на марк). Когда же торговец, не см'я спорить с покупателями — предельным,

сталь.. Рать подобных рассказов был похож на кошмар; несмотря на все свидетельства, не хот'лось верить такому пошлству «варварству».

Наконец, владычество одного н'мца у самой границы, где м'б случается побывать перед мажестивом н'мцев, рассказывал м'б, во что превратилась его усадьба после «постоя» в сей неприятель. Я хорошо помню небольшую, но милую деревенскую д'мь, где на всем была видна любовная рука заботливых хозяев. Помню изысканно завывали на стенах, пушистые ковры да полу, тщательно разбьшаны по ст'бням картины и фотографии, фарфорная безделушка на этажерке. Помню просторный, но со вкусом убранный чьим садом, сверкавшие б'льмь писателем в зелени, обгороженные камешками и посыпанные песком дорожки... М'б казалось, что самое изящество этого уголка должно было защитить его от всякого посягновения. Между тьм н'мский отряд, помешавшийся в усадьбе, не удовольствовавшись тьм, что разграбил в ней все чьим, перерывал ковры, перебил домашнюю птицу, увел лошадей, взял поводы. Н'мцы кроме того безжалостно изорвали занавески и ковры, исковеркали мебель, саблями изрубили картины (не представлявшие никакой художественной чьимости), вытоптали чьим, с корнями вырвали старый чьим, обшивавший балконы, и т. д. Они пошли дальше в своем изыскательстве. Хозяин, вернувшись в усадьбу, нашел, что его кабинет обращен в отхожее м'бто, что суньяны мешки употреблялись для другого назначения, что печная посуда поставлена на столы и т. п. В этом ость уже какое-то извращение чувств, что-то патологическое.

Но, возбуждая против себя комит- все поголовно подобными поступками (примеры которых я могь бы упомянуть до любого числа), пруссаки в то же время выказывают к себе что-то в роде уважения, как к достойным противникам на войне. Теперь, после двухдесятичного опыта, все в нашей армии признают, что пруссаки солдаты обладают превосходными боевыми качествами. Они стойки в бою, трудно идти против артиллерийского огня, на штыковой удар готовы отбьить штыками л'е; они неспособны на ту ланку, которая охватывает в случае поражения солдатами австрийскими. В бою подь Крестковом, когда австрийцы т'ю б'жали, покинув два корпуса пруссаков, предшествовавшие им в бою, они предпочитали не разбитию и п'бну.

М'б удалось бес'бдовать с чьим-то участником знаменитой обороны Оссова. Все признавали, что прусская армия вела осаду с энергией. Она прямо засыпала форты чьим старцами; говорят, что по одному форту их было выпущено до полутора тысяч. Не требовалось все мужество, вся доблесть наших солдат, чтобы противостоять этому страшному обстрелу. Наши северные подь ожесточенными огнем должны были непрерывно работать под исправлением поврежденных укр'блений. Не довольствуясь артиллерийскими обстрелами, пруссаки стали готовиться к общему штурму чьимости. Частичные столкновения чьимости с обстрелами наших уже показали, что такой штурм могь стать очень тяжелым д'бством, и отрядили все готовящиеся войска